

УДК 330.1(470)

А.А. АКАЕВ,

*доктор технических наук, профессор,
иностраный член РАН, главный научный
сотрудник Института математических
исследований сложных систем
МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия)*

О СТРАТЕГИИ ИНТЕГРИРОВАННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ ДО 2025 ГОДА

Проанализированы уже разработанные стратегии развития России до 2020–2025 гг. Дан их сравнительный анализ. Обоснована необходимость перевода экономики России на инновационное развитие путем реализации стратегии «интегрированной модернизации».

Ключевые слова: стратегия, инновационное развитие, модернизация, импорто-ориентированная экономика, институциональная среда.

Стратегия правительства РФ по инновационному развитию экономики России до 2020 года

Первый вариант «Стратегии-2020» был разработан Минэкономразвития Российской Федерации под руководством замминистра А.Н. Клепа-ча и утвержден правительством перед глобальным финансово-экономическим кризисом осенью 2008 г. Он был разработан на основе положений «Концепции долгосрочного развития Российской Федерации на период до 2020 года», принятой правительством Российской Федерации 17 ноября 2008 года. В данной концепции была провозглашена стратегическая цель: «Достижение уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу России как ведущей мировой державы XXI века, занимающей передовые позиции в глобальной экономической конкуренции и надежно обеспечивающей национальную безопасность и реализацию конституционных прав граждан». Мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. помешал началу реализации указанной стратегии. Уже в 2010 г., с учетом первых уроков кризиса, был представлен новый вариант правительственной стратегии под названием «Инновационная Россия-2020» [1]. В дальнейшем мы будем ссылаться исключительно на этот вариант правительственной стратегии, имея в виду, что он ещё не утвержден правительством.

Ключевые задачи правительственной стратегии «Инновационная Россия-2020»:

1. Нарращивание человеческого потенциала в сфере науки, образования, технологий и инноваций. Для инновационной экономики нужен «инновационный человек». Планируется увеличить к 2020 году расходы на образование до 6,5–7% ВВП, на здравоохранение – до 6% ВВП, на научные исследования – до 3% ВВП, т. е. в полтора-два раза.
2. Резкое, кратное повышение инновационной активности бизнеса.
3. Государство должно обеспечить формирование благоприятного «инновационного климата».
4. Формирование устойчиво развивающегося сектора исследований и разработок.

5. Повышение степени интеграции России в мировые процессы создания и использования инноваций.

Решение этих задач, безусловно, будет способствовать достижению стратегических целей развития России.

В правительственном документе рассматриваются три варианта инновационной стратегии (с. 19–21):

1. *Вариант инерционного импортоориентированного технологического развития.* Он предполагает фокусирование политики на поддержании макроэкономической стабильности и низких параметров бюджетных расходов на науку, инноваций и инвестиций в человеческий капитал. Он приведет к дальнейшему ослаблению НИС, усилению зависимости от иностранных технологий. Такой вариант обрекает Россию на технологическое отставание от ведущих стран Запада.

2. *Вариант догоняющего развития и локальной технологической конкурентоспособности.* Этот вариант ориентируется не только на перевооружение экономики на основе импортных технологий, но и на локальное (точечное) стимулирование развития отечественных разработок. Главные преимущества догоняющей стратегии заключаются в том, что сроки реализации модернизации и инновационные риски минимальны. В результате экономика получает существенные преимущества от быстрого массового распространения более прогрессивных технологий.

3. *Вариант достижения лидерства в ведущих научно-технических секторах и фундаментальных исследованиях.* Этот вариант соответствует долгосрочным целям и задачам, обозначенным в концепции долгосрочного развития России. Его реализация потребует от государства огромных средств и эффективных усилий по модернизации науки, концентрации усилий на прорывных научно-технических направлениях, которые позволят занять России лидирующие позиции на соответствующих мировых рынках высокотехнологичной продукции и услуг. Конечно, этот путь связан с большими рисками.

В итоге в правительственном документе предлагается смешанная стратегия с элементами стратегии лидерства в некоторых сегментах, в которых могут быть созданы конкурентные преимущества, но с реализацией догоняющей стратегии в большинстве секторов экономики и промышленности, параллельно с восстановлением инженерного конструкторского потенциала (с. 21). Данное предложение является весьма разумным и реалистичным.

Объективный анализ стратегии «Инновационная Россия-2020» позволяет сказать, что она ставит высокие и реалистичные цели и рациональные пути их достижения и может служить разумной основой для разработки приемлемой среднесрочной стратегии модернизации экономики России до 2020–2025 гг. К числу недостатков этой стратегии следует отнести отсутствие четких конкретных целевых макроэкономических показателей относительно темпов экономического роста и инфляции.

В связи с критическим восприятием стратегии «Инновационная Россия-2020» в экспертном сообществе, работу по разработке новой стратегии в начале 2011 г. правительство поручило Академии народного хозяйства и госслужбы (РАНХиГС) и Высшей школе экономики (ВШЭ). К подготовке обновленной «Стратегии-2020» были приглашены беспрецедентно широкие круги экспертного сообщества (более 1,5 тыс. человек). Работа была осуществлена к началу декабря 2011 г. под руководством ректора РАНХиГС В.А. Мау и ректора ВШЭ Я.И. Кузьминова. Весьма объемный доклад в декабре 2011 г. поступил в правительство для обсуждения и согласования в министерствах. Он получил название «Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика» [2]. Далее для краткости будем называть его «Новая стратегия-2020».

Основным приоритетом в «Новой стратегии-2020» объявлен выход на максимально высокие темпы устойчивого сбалансированного роста. Это, безусловно, правильно. Аргументируется это тем, что слабый рост в условиях догоняющего развития не позволяет решать ни основную задачу – сокращения отставания от стран-лидеров в долгосрочном периоде, ни поддерживать социальную стабильность в краткосрочном периоде. В «Новой стратегии-2020» утверждается: «Для реализации стратегических целей России необходим не просто экономический рост, но достаточно высокие его темпы – не менее 5% в год, заметно превышающие темпы роста развитых стран» (с. 4).

Суть новой модели роста заключается в переходе от экономики спроса к экономике предложения. Ключевые задачи достижения этой цели следующие (с. 5):

1. Последовательная ориентация на снижение инфляции, что позволит изменить механизм предложения денег, повысить склонность к сбережениям и долгосрочному инвестированию.

2. Целенаправленные усилия по снятию институциональных барьеров для экономического роста, с целью улучшения делового климата, повышения инвестиционной привлекательности страны, развития внутренней конкурентной среды, рыночного распределения ресурсов.

3. Обеспечение высокой нормы сбережения, порядка 25–30% ВВП, как это было в странах с успешной стратегией догоняющего развития.

4. Ориентация на внешний спрос.

5. Макроэкономическая стабильность.

Задачи 1 и 4 в этом списке вызывают много вопросов, а остальные являются естественными и необходимыми для достижения высоких темпов роста для развивающейся экономики. В новой модели роста предлагается частичное изменение приоритетов денежной политики – главным приоритетом становится снижение инфляции (с. 23). Это предложение спорное. Во-первых, нереалистично одновременно ставить задачи достижения максимально возможных темпов роста и минимального уровня инфляции. Надо делать выбор. Во-вторых, главная задача Центробанка России на данном этапе состоит в том, чтобы всячески увеличивать денежное предложение для повышения монетизации экономики. И с этой задачей ЦБ России успешно справляется. Поэтому требуемое изменение денежной политики только ухудшит ситуацию. Безусловно, надо требовать, чтобы инфляция была однозначной и не превышала 10%, но не 3–4%.

Что же касается ориентации на внешний спрос – это нереалистично, по крайней мере, в этом десятилетии. Даже Китай, уже ставший «фабрикой мира», сегодня прилагает огромные усилия для стимулирования внутреннего спроса, частичной переориентации экономики на внутренний спрос. Отчасти это происходит в связи с исчерпанием сложившейся модели экспортно-ориентированного развития. России также необходимо ориентироваться на внутренний спрос, тем более, что Россия занимает 8-е место в мире по размеру внутреннего рынка, что является её сравнительным преимуществом. В настоящий момент, отмечается в самой «Новой стратегии-2020» (с. 16), рост внутреннего спроса на 55% покрывается ростом цен, на 25% – ростом импорта, и лишь на 20% – ростом предложения со стороны отечественных предприятий. Насыщение внутреннего рынка путем импортозамещения является наиболее реалистичным фактором для формирования «экономики предложения».

В целом «Новая стратегия-2020» уточняет, дополняет и развивает стратегию «Инновационная Россия-2020». В новой стратегии более четко и конкретно сформулированы макроэкономические цели страны (темпы роста и инфляция); в ней более тщательно разработана социальная политика. Очевидно, что на основании двух рассмотренных документов вполне возможно разработать добротную стратегию модернизации экономики России.

Инициативные стратегии модернизации российской экономики

Сразу после опубликования первого варианта «Стратегии-2020» в научном сообществе развернулась широкая дискуссия (она была достаточно хорошо освещена на страницах журнала «Вопросы экономики»), в ходе которой появилось ряд инициативных стратегий модернизации экономики России. Среди них наиболее проработанными являются стратегии, выдвинутые академиком В.М. Полтеровичем, С.Ю. Глазьевым и Р.И. Нигматулиным. Рассмотрим их последовательно.

Полтерович В.М. выдвинул стратегию «интерактивной модернизации» [3], основанную на хорошо известной стратегии догоняющего развития с широкомасштабным заимствованием передовых западных технологий, методов организации производства и систем управления для модернизации всего народного хозяйства. В самом начале работы он анализирует и решает дилемму, связанную с вопросом о том, должна ли стратегия модернизации опираться, в первую очередь, на методы стимулирования экономического роста, либо вначале следует сосредоточить усилия на совершенствовании институтов. Сторонники «институциональной модернизации» говорят, что необходимо вначале проводить институциональные реформы, направленные на улучшение государственного управления и судебной системы, подавление коррупции, устранение административных барьеров, совершенствование человеческого капитала. Если эти задачи будут решены, то рынок в основном сам справится с задачей быстрого роста. *В работе В.М. Полтеровича убедительно показано, что улучшение институтов было в большей мере следствием, нежели предпосылкой быстрого экономического роста и сделан вывод о том, что институты должны улучшаться в процессе экономического роста. Опыт стран, успешно осуществивших стратегию догоняющего развития, также подтверждает, что институты улучшались уже в процессе экономического роста.* Показано, что связь между экономическим ростом и качеством институтов является двусторонней: высокое их качество способствует росту, быстрый рост облегчает совершенствование институтов. Благодаря этому появляется шанс выйти из ловушки, если только удастся инициировать рост.

Анализируя и обобщая опыт стран, ставивших перед собой задачу догоняющего развития, В.М. Полтерович формулирует следующие важные выводы (с. 21):

1. Страны, которые добились успеха, широко применяли индикативное планирование.
2. Для обеспечения быстрого роста необходимо проводить политику, адекватную стадии развития страны, и своевременно ее менять.
3. Важную роль в развитии стран Юго-Восточной Азии играла высокая норма сбережений.
4. Широкомасштабное заимствование требует тщательной координации усилий различных экономических агентов, высокоразвитой науки и системы отраслевых и корпоративных исследовательских институтов и центров.
5. Существенной предпосылкой быстрого роста является политическая стабильность.

Данные эмпирические закономерности являются неотъемлемыми компонентами стратегии В.М. Полтеровича.

Для эффективной реализации стратегии модернизации экономики России, В.М. Полтерович считает необходимым создать институциональную систему для выработки и реализации стратегий экономического развития – систему интерактивного управления ростом (СИУР). СИУР должна организовать в единое целое разрозненные институты развития (Банк развития, Российская венчурная компания, особые экономические зоны, технопарки, национальные проекты), осуществлять координацию их деятельности, ориентируя их на стимулиро-

вание и поддержание быстрого роста. Возглавлять процесс могло бы специально созданное для этой цели Федеральное агентство по стратегическому планированию.

С.Ю. Глазьев предложил стратегию опережающего развития России в условиях глобального кризиса [4] и утверждает, что подъем российской экономики возможен только на основе нового технологического уклада при наличии самодостаточной, опирающейся на внутренние источники денежного предложения, кредитно-финансовой системы. Стратегия С.Ю. Глазьева безусловно является важной компонентой более общей «смешанной стратегии» модернизации, включающей также компоненту догоняющего развития, поскольку низкотехнологичная экономика не восприимчива к инновациям [5], а технологический уровень повышается от заимствования к инновациям, как показал В.М. Полтерович. Важным достоинством работы С.Ю. Глазьева является детальная оценка состояния российской промышленности, научно-технического потенциала, а также прогноз развития ключевых направлений нового технологического уклада, становление и распространение которого будет определять глобальное экономическое развитие в ближайшие два-три десятилетия. Все это облегчит разработку стратегии модернизации экономики России.

Р.И. Нигматулин разработал стратегию модернизации экономики России, основанную на трех фундаментальных принципах [6]:

1. Всестороннее сбалансирование экономики на основе теории межотраслевого баланса Нобелевского лауреата В.В. Леонтьева.

2. Справедливое распределение доходов в обществе и снижение избыточного социального неравенства.

3. Опережающее повышение покупательского спроса.

Р.И. Нигматулин исходит из того, что несбалансированность и социальная несправедливость разрушительны для государства и экономики, а избыточное социальное неравенство населения России — тормоз её экономического роста. Все это он доказывает в своих работах, и с этим нельзя не согласиться.

Сбалансированность экономики требует и сбалансированного соотношения цен на различные жизнеобеспечивающие товары в соответствии с издержками. **Р.И. Нигматулин** дает оценочные расчеты такого сбалансированного соотношения цен. Далее он аргументировано доказывает, что в сбалансированной экономике главный инвестор — народ, получивший сбалансированную долю ВВП, идущую на оплату труда, и при сбалансированных с затратами ценах. Показано, что фонд оплаты труда в сбалансированной экономике должен составлять 60–70% ВВП, как в развитых странах, а финансирование здравоохранения, образования, армии, науки и культуры должно быть увеличено не менее чем в два раза [7].

Возникает вопрос: как приступить к сбалансированию экономики? С чего начать? **Р.И. Нигматулин** как истинный математик формулирует ответ на этот вопрос в виде теоремы [7, с. 8]:

Теорема 1: Прогрессивная шкала налогов является необходимым условием сбалансированной рыночной экономики и экономического роста. **Р.И. Нигматулин** считает, что управляемое и стимулируемое государством опережающее повышение покупательского спроса должно стать главным двигателем и инструментом роста отечественного производства. При этом он основывается на утверждении **Л. Эрхарда**, — отца «немецкого экономического чуда», о том, что «*Покупательский спрос должен умеренно опережать производственные возможности*». Важно подчеркнуть, что он заботится о том, чтобы этот спрос удовлетворялся не за счет импорта, а за счет расширения отечественного производства, что отражено в следующей его теореме [7, с. 29]:

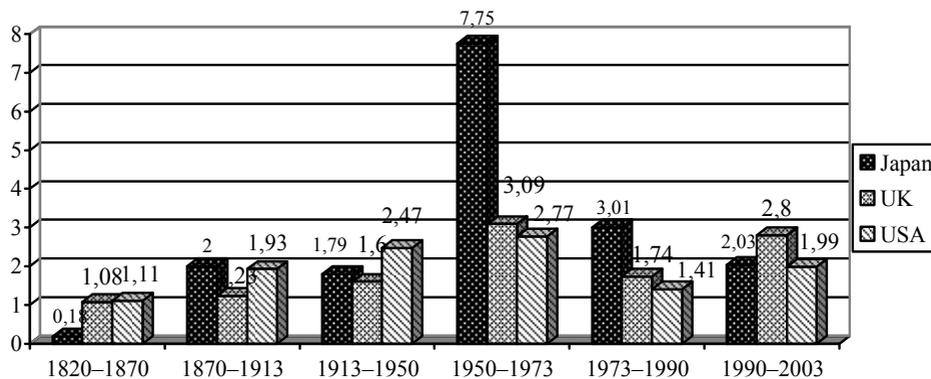
Теорема 8: Для развития производительных сил и подъема российских производств в ближайшее десятилетие необходимо, чтобы российское производство

ориентировалось не на экспорт, а на обеспечение внутреннего рынка. Таким образом, он обоснованно ратует за импортоориентированную модернизацию.

Автором настоящего доклада была также выдвинута стратегия модернизации экономики России путем инновационно-технологического прорыва до 2020–2025 гг. [8]. Почему именно до 2020–2025 гг.? Дело в том, что в соответствии с инновационно-циклической теорией Шумпетера-Кондратьева, 2010–2025 гг. — это фаза депрессии пятого Кондратьевского цикла (2010–2017 гг.) и фаза оживления и начала подъема шестого Кондратьевского цикла (2018–2025 гг.), когда мировая экономика наиболее восприимчива к технологическим, организационным и иным типам инноваций, как говорят, — это «окно возможностей». Стратегия инновационно-технологического прорыва разрабатывалась в ряде работ [5; 9; 10]. В указанных работах, на примере Японии и Южной Кореи, успешно осуществивших инновационную модернизацию во второй половине XX столетия, и Китая, который наиболее близок к данной цели сегодня, показано, что это стало возможным исключительно путем инновационно-технологического прорыва в течение первых 10–15 лет осуществления стратегии модернизации. Это потребовало от правительств концентрации всех национальных ресурсов и эффективного их использования. Примеров альтернативной успешной стратегии модернизации не существует. *Для того, чтобы развивающаяся страна в современных условиях смогла осуществить экономический прорыв (взлет) и присоединиться к числу развитых стран ОЭСР, наряду с успешной реализацией стратегии «догоняющего развития» требуется обеспечить динамичное инновационно-технологическое развитие с использованием собственного научно-технического потенциала.*

Только так возможно достичь высоких устойчивых темпов роста экономики, равных 8–10% в продолжении полутора-двух десятков лет, необходимых для экономического прорыва. Любая страна, опирающаяся исключительно на собственную технологическую базу не сможет обеспечить темпы роста экономики, превышающие 2–3% ежегодно. Практика XX века показала, что успешная модернизация экономики путем эффективного заимствования высокопроизводительных технологий извне позволяет добиться темпов роста 7–8% на протяжении двух-трех десятилетий, как показано на рис. 1. Однако это происходило лишь при наличии в стране квалифицированной рабочей силы, включая достаточное количество высококвалифицированных инженерно-технических кадров, а также разветвленной и растущей сети НИОКР (отраслевых НИИ и корпоративных R&D-центров). В этой связи *для России в XXI веке задачей приоритетного инвестирования является задача сохранения и приумножения человеческого потенциала, учитывая все возрастающую роль человеческого капитала в долговременном развитии.*

Таким образом, для того, чтобы сформировать инновационную экономику, России целесообразно наряду с динамичным инновационным развитием осуществить глубокую технологическую модернизацию обрабатывающих отраслей промышленности, а также традиционных базовых отраслей экономики путем эффективного заимствования высокопроизводительных технологий пятого уклада в наиболее развитых дружественных странах. *Только оптимальное сочетание собственных и заимствованных технологических инноваций, благодаря их синергетическому эффекту, позволит добиться высоких устойчивых темпов роста российской экономики на уровне 7–8%, характерных для быстроразвивающихся стран.* Это потребует от правительства России проведения активной государственной промышленной политики в долгосрочном периоде [11]. В этой работе было показано, что российская экономика способна развивать равновесное устойчивое развитие с ежегодным темпом роста около 6% при темпах роста инвестиций, равных 10–12% в год, без всякого инновационного прорыва, как это было в 1999–2008 гг. *Непременным компонентом стратегии инновационно-технологического прорыва является особое внимание к расширению подготовки инженерно-технических кадров на основе новейших достижений современной тех-*

Источник: база данных Всемирного Банка.

Рис. 1. Среднегодовые темпы роста производительности труда в США, Японии и Великобритании в XX веке (% в год)

ники и технологий. Как было показано выше, России потребуется до 2050 г. существенно расширить и укрепить сферу НИОКР и почти в два раза увеличить численность инженерно-технических кадров высочайшей квалификации [10]. Итак, технологическая модернизация промышленности и базовых отраслей экономики вкуче с инновационным развитием в ключевых отраслях и ускоренным наращиванием человеческого капитала — вот основа для инновационно-технологического прорыва в предстоящем десятилетии (2012–2025 гг.) и успешной модернизации экономики России.

Сравнительный анализ рассмотренных стратегий модернизации

Подводя итоги приведенного выше анализа различных стратегий модернизации экономики России, следует согласиться с В.М. Полтеровичем [3] в том, что «область согласия» в них достаточно широка, но имеется и ряд принципиальных расхождений относительно возможных сроков и рациональных методов решения ключевых задач модернизации. Абсолютное большинство участников дискуссии, развернувшейся в российском обществе согласны с тем, что основными целями социально-экономического развития России являются становление подлинно демократического социально-ориентированного государства с мощной инновационной экономикой, способной обеспечить высокий уровень и качество жизни населения, а также поддерживать достойный престиж России в мире, как великой державы. Большинство экспертов и разработчиков стратегий модернизации экономики России считают, что эффективная стратегия достижения этих целей должна обязательно предусматривать [3]:

- расширение частной инициативы и свободной конкуренции;
- эффективную социальную и промышленную политику;
- налаженное взаимодействие бизнеса, государства и общества;
- сильное и эффективное государство;
- повышение качества институтов, улучшение делового и инвестиционного климата;
- обеспечение высокого уровня человеческого капитала;
- создание инновационной экономики.

Действительно, имеет место широкая область согласия, которая может служить прочной основой консолидации общества для решения ключевых задач экономической модернизации.

Что же касается разногласий, то прежде всего они касаются следующих ключевых вопросов:

1. Что важнее в первую очередь, – ускорение темпов роста экономики или снижение уровня инфляции?

2. С чего начинать – с улучшения институтов («институциональной модернизации») или стимулирования экономического роста («технологической модернизации»)?

3. На какой спрос надо ориентироваться – внутренний или внешний?

На второй из этих вопросов убедительный ответ дал В.М. Полтерович [3], что мы уже выше отмечали. Он показал, что институты целесообразно улучшать в процессе экономического роста, т.е. надо начинать с ускорения роста.

Первый вопрос был подробно рассмотрен в нашей работе [11] и решен также в пользу приоритета быстрого экономического роста. В настоящей работе мы также попытались показать, что российской экономике в первую очередь необходим рост, причем рост высокими темпами: 7–8% в год и выше. Только так возможно достичь основных стратегических целей, стоящих сегодня перед Россией. Например, В.В. Путин в 2011 г. сформулировал главную задачу, стоящую перед Россией в предстоящем десятилетии, следующим образом: «*Через 10 лет Россия должна войти в пятерку крупнейших экономик мира, а ВВП на душу населения должен вырасти почти вдвое с 19 тыс. дол. до более 35 тыс. дол.*» Эта высокая цель, – «*удвоить ВВП на душу населения за 10 лет*», решает одновременно две ключевые задачи страны: модернизацию экономики и качественное улучшение жизни населения. Поскольку для удвоения ВВП за десять лет требуется экономический рост средними темпами в 7,2%; для удвоения подушевого дохода, при ожидаемом демографическом спаде, потребуются более высокие темпы, около 8–9%. Удвоение подушевого дохода населения достигается путем повышения производительности труда более чем в два раза. Это вполне достижимо. За предкризисные десять лет (1998–2008 гг.) она выросла в 1,7 раза.

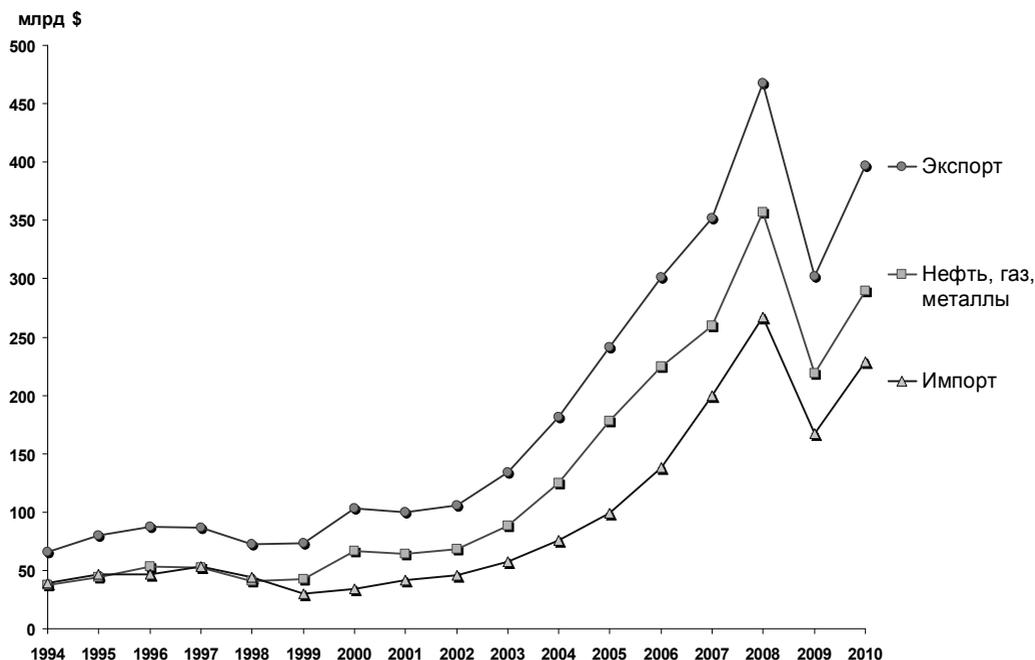
Что же касается инфляции, в нашей работе [11] было показано, что в российской экономике установилась умеренная равновесная инфляция, соответствующая нынешней структуре и состоянию экономики, когда экономика сохраняет способность расти относительно высокими темпами. *Российская инфляция в значительной мере носит немонетарный характер – это инфляция издержек, для снижения которой требуется модернизация экономики, обновление основных средств производства, уменьшение издержек в естественных монополиях и т. п.*

Чрезвычайно важно, чтобы годовая инфляция не превышала 9–10%, поскольку пороговое значение инфляции для российской экономики, ниже которого финансовая система проявляет повышенную склонность к предоставлению кредитов товаропроизводителям [11], лежит в указанном диапазоне. *Инфляция в 7–9% годовых на ближайшие годы приемлема для выхода на темпы экономического роста 6–8% в год.* В.М. Полтерович приводит результаты эмпирических исследований [12], которые показывают, что оптимальное значение инфляции для развивающихся стран выше, чем для развитых, и находится в районе 6–10% в год, а В. Сенчагов [13] полагает допустимыми пределы инфляции до 15% годовых.

Поскольку инфляция в российской экономике преимущественно немонетарная, нет необходимости в ужесточении денежно-кредитной политики. Напротив, увеличение денежной базы интенсифицирует процесс образования финансовых капиталов, что, в свою очередь, стимулирует инвестиционную деятельность и экономический рост. Поэтому Центробанк России должен планомерно работать над расширением денежного предложения на 30–40% ежегодно, как это было в ушедшем десятилетии. Уровень монетизации российской экономики достиг примерно 40% ВВП, и если нынешние темпы роста монетизации сохранятся, то уже к 2018 году, – началу оживления и подъема новой длинной

волны Кондратьева, экономика России достигнет уровня монетизации развитых европейских стран в 60–80% ВВП. А это крайне важно для устойчивого динамичного роста. В. Сенчагов приводит результаты исследований, которые показали, что в большинстве стран с развивающимися рынками рост денежной массы опережает повышение цен не на 3–4%, как полагал М. Фридмен для развитых стран, а на 20–30%, как и в России [13].

Наконец, какая же модернизация более подходит России: экспортноориентированная или импортозамещающая? Очевидно, что экспортная ориентация российской экономики не имеет перспективы в текущем десятилетии. Выше мы уже отмечали об исчерпании сложившейся модели экспортноориентированного развития. Самую серьезную угрозу реальной экономике России сегодня представляет нарастающий наплыв импорта, как показано на рис. 2. Темпы роста импорта в последние годы превысили 40%. А это очень опасно, когда экспорт не растет, поскольку рост импорта сокращает профицит торгового баланса. С другой стороны, как видно на рис. 2, объемы импорта однозначно определяются объемами экспорта нефти, газа и металлов или, точнее, ценами на них. Падение цен на экспортируемое сырье будет означать падение объемов импорта. Рост импорта и отток капитала уже скоро сделают сальдо торгового баланса нулевым или даже отрицательным. Снижение цен на нефть только усугубит ситуацию, как показано на рис. 3б, где представлены результаты расчетов сальдо счета текущих операций при различных сценариях плавного снижения цен на нефть до 2017 года (рис. 3а), когда предположительно закончится депрессия мировой экономики. Однако *самые негативные последствия такой ситуации заключаются в том, что рост потребительского спроса населения, обеспечиваемый за счет расширения программ социальной поддержки, в значительной мере «про-*

Источник: <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi>

Рис. 2. Динамика экспорта и импорта России, млрд \$

едается» растущим импортом вместо того, чтобы стимулировать рост отечественной экономики. Абсолютно прав Р.И. Нигматулин, сформулировавший в виде теоремы необходимость ориентации российского производства не на экспорт, а на обеспечение внутреннего рынка [7, с. 29]. Я бы ещё добавил рынок стран СНГ. Для того, чтобы внутренний спрос стал двигателем отечественной экономики необходимо, чтобы он покрывался импортозамещающей отечественной продукцией.

а) Стоимостный прогноз экспорта нефти

б) Прогноз сальдо счета текущих операций

Рис. 3. Зависимость счета текущих операций от цен на нефть

В этой связи *России необходимо незамедлительно начать реализацию широкомасштабной программы импортозамещения, предварительно проведя инвентаризацию всей импортной продукции.* Программа импортозамещения как раз и может быть решена через технологическую модернизацию обрабатывающих отраслей экономики. С другой стороны, программа будет способствовать возрождению сферы НИОКР, столь необходимой для перехода на инновационные рельсы развития. Следует отметить, что без хорошо организованных в национальном масштабе собственных НИОКР инновационный прогресс не состоится, о чем свидетельствует опыт экономического развития Китая в последние два десятилетия.

В случае оперативного формирования и запуска программы импортозамещающей технологической модернизации, темпы роста экономики России уже через 2–3 года повысятся до 5–6%, а через 4–5 лет до требуемых для удвоения душевого дохода 7–8% в год. Вдобавок это позволит в достаточной мере диверсифицировать экономику, чтобы обеспечить ее устойчивое развитие в условиях падения цен на нефть и роста дефицита бюджета. А соответствующая девальвация рубля из проблемы трансформируется в источник повышения конкурентоспособности российских товаропроизводителей.

Для перевода экономики России на инновационный путь развития требуется стратегия «интегрированной модернизации»

Конечно же, самый главный вопрос заключается в том – способна ли Россия совершить инновационно-технологический прорыв в предстоящем десятилетии и ускорить темпы экономического роста до 7–8% в год или даже 9–10%? Хватит ли финансовых ресурсов? Имеется ли достаточный задел отечественных научно-технических разработок для коммерциализации в инновационные технологии и продукты? Позволяет ли современный интегральный уровень экономического развития России приступить к реализации стратегии прорывной модернизации? Сразу отметим, что на все эти вопросы имеются утвердительные ответы. Следовательно, России вполне под силу начать и успешно осуществить в период до 2020–2025 гг. инновационную модернизацию своей экономики. Рассмотрим подробнее поставленные выше вопросы.

Многие эксперты высказывают сомнение в том, что российская экономика способна ускорить темпы роста до 5–6% в год, не говоря уже о темпах в 7–8%. Ведь устойчивый рост с высокими темпами будет в первую очередь зависеть от уровня валовых накоплений в ВВП России и притока прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Приток ПИИ после кризиса 2008–2009 гг. снизился в 1,5–2 раза и, вероятнее всего, эта тенденция продолжится. В целом для России в ближайшие годы внешние рынки финансового капитала можно считать закрытыми. Более того, продолжается и отток капитала из страны, что свидетельствует о неблагоприятном инвестиционном климате. Поэтому надо обращаться к внутренним ресурсам. Мы, в нашей работе [11], рассчитали, что для достижения темпов роста в 7% требуется поднять норму валового накопления в ВВП до 22,6%, а 8-процентный рост потребует её повышения до 24,9%. Для того, чтобы повысить норму валового накопления в ВВП до 23–25%, обеспечивающих 7–8-процентные темпы роста экономики, необходимо добиваться увеличения ежегодного прироста инвестиций в основной капитал до 15–20%. Это вполне возможно, хотя и сопряжено с немалыми трудностями. Для сравнения: в предкризисные годы норма валовых накоплений составляла в среднем 20%, а темпы прироста инвестиций – 12%. Более того, многие эксперты и разработчики стратегии модернизации полагают необходимым повысить норму накопления до 25–30%. Например, в Республике Корея в годы инновационно-технологического прорыва (1975–2000 гг.) в течение четверти века средний уровень валовых накоплений

составлял 35% ВВП, а в 1990–1995 гг. он превышал 40% ВВП! Аналогичную картину в последние десятилетия мы наблюдаем в Китае, что позволило ему развивать экономику в течение последних 30 лет средними ежегодными темпами 9,8%! *Видный экономист академик В.В. Ивантер постоянно предупреждает об опасности ориентации на низкие темпы экономического роста – 3–4% в год, т. е. скатывание на среднемировые темпы роста, тогда как страны БРИКС, куда входит и Россия, развиваются средними темпами в 6,5%. В.В. Ивантер утверждает [14], что Российская экономика имеет реальную возможность ускорения роста до 6–8% в год на ближайшие десять лет.* Он полагает, что для этого необходимо целенаправленно активизировать внутренний спрос за счет бюджетных средств. В этой связи он считает, что бездефицитный бюджет не может быть целью для динамично развивающейся экономики.

Как известно, Министерство экономического развития РФ под руководством замминистра Андрея Клепача подготовило прогноз до 2030 г., в котором рассмотрены два сценария экономического развития России: инновационный и консервативный (энергосырьевой). Инновационный сценарий предполагает, что государство активно инвестирует в ключевые отрасли экономики, финансируя ее развитие за счет сохранения дефицита бюджета в 2–3% ВВП и роста госдолга до 30% ВВП в 2012–2025 гг., т. е. втрое выше нынешнего уровня. В статье [15] путем компьютерного моделирования было убедительно показано, что дефицит в размере 2% ВВП для России не так уж опасен с точки зрения сползания в долговую ловушку. Например, при росте экономики в 5% и пятипроцентной же инфляции госдолг стабилизируется на уровне всего лишь 20% ВВП. Расходы на здравоохранение при этом увеличиваются в 1,5 раза, на образование – в 1,35, на науку – более чем вдвое! ВВП будет расти в среднем на 4% в год, капитальные вложения возрастают вчетверо, а реальные доходы населения – в 2,3 раза. «Сценарий предполагает прорыв в повышении эффективности человеческого капитала и превращение инновационных факторов в ведущий источник экономического роста на рубеже 2020–2022 годов», – утверждается в документе, подготовленном в МЭР. Это, безусловно, достойная цель, заслуживающая всяческой поддержки. На рис. 4 представлены графики, описывающие динамику инвестиций в человеческий капитал в ряде стран мира, которые наглядно показывают, как мало внимания и средств (6% ВВП) уделяется этому вопросу в России. Напротив, Китай, начиная с 1980 г. (10% ВВП) стремительно наращивал инвестиции в человеческий капитал (2008 г. – 15% ВВП) и сегодня находится на уровне таких передовых европейских стран, как Франция и Финляндия. Именно это послужило одним из основных факторов стабильно высоких темпов роста экономики Китая на протяжении трех десятилетий.

В работе [8] мы показали, что Россия способна совершить инновационно-технологический прорыв, ориентируясь не только на заимствование передовых зарубежных технологий, но и путем самостоятельного опережающего освоения базисных технологий шестого уклада на базе собственного уникального научно-технологического задела. Обо всем этом особенно детально и хорошо написано в упоминавшейся монографии С.Ю. Глазьева, посвященной стратегии опережающего развития России [4]. А.А. Сиванков в своей работе [16] приводит интересные данные о потенциале России в области создания и развития новых технологий по оценке западных экспертов. Западные эксперты считают, что Россия добилась наибольших успехов в развитии новых технологий в следующих областях: нанотехнологии; программное обеспечение; энергетика и космические исследования. Все эти направления представлены в шестом технологическом укладе, а нанотехнологии и программное обеспечение входят в его ядро. Одним словом, научно-технический потенциал России достаточен для обеспечения инновационно-технологического прорыва.

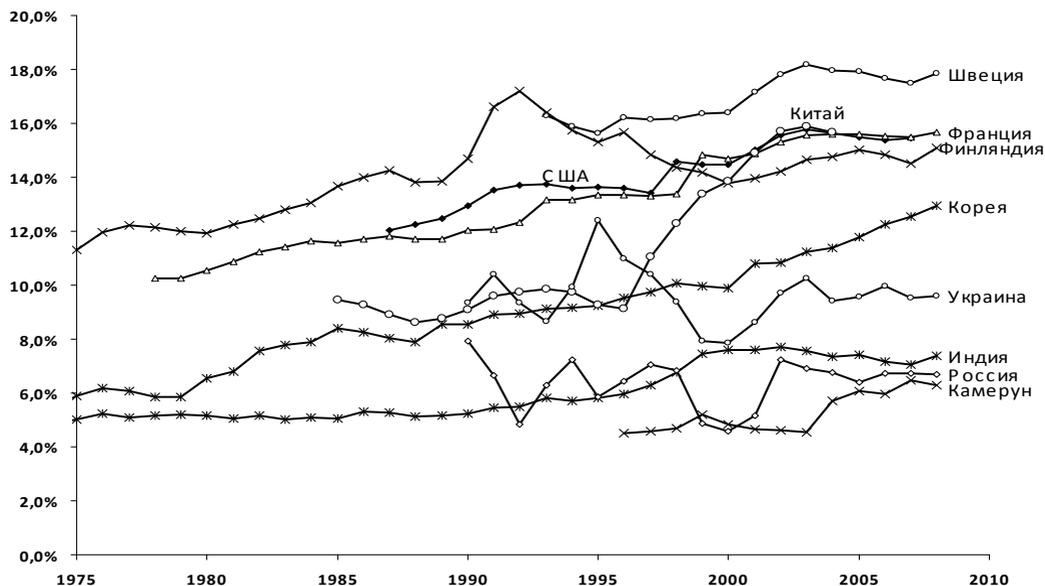

Рис. 4. Динамика инвестиций в человеческий капитал в различных странах мира (доля в ВВП: образование, здравоохранение, прочие социальные услуги)

Позволяет ли современный интегральный уровень экономического развития России приступить к реализации стратегии прорывной модернизации? Вопрос не праздный, поскольку многие видные эксперты заявляют, что Россия не доросла ещё до инвестиционной стадии развития, не говоря уже об инновационно-технологическом прорыве. Для ответа на этот вопрос чрезвычайно важно обратиться к опыту Китая, поскольку оценить различные стратегии модернизации по достоинству возможно только находясь в её авангарде. Китай вот уже тридцать лет успешно осуществляет модернизацию, а в последние 20 лет — находится в её авангарде.

В 1998 г. выдающийся китайский ученый, профессор Хэ Чуаньци опубликовал две работы, посвященные информационной экономике и современной экономической модернизации. Ключевой характер имеет выделение автором двух стадий модернизации: первичной и вторичной. Каждая стадия связана с соответствующей эрой цивилизационного процесса: первичная модернизация — с индустриальной эрой, вторичная — с информационной эрой, или эрой знаний. Хэ Чуаньци называет и третье состояние — интегрированную модернизацию, которую понимает как координированное развитие первичной и вторичной модернизации. Он разработал теорию вторичной модернизации и развил её до общей теории модернизации и развития цивилизации. Эта теория легла в основу десятилетних исследований всемирной модернизации специалистами Центра исследования модернизации Китайской академии наук и Группой исследования стратегий модернизации Китая, бессменным руководителем которых является профессор Хэ Чуаньци. Систематизированные результаты целенаправленных исследований этой Группы опубликованы в 2001–2010 гг. в виде 10 ежегодных докладов. Их содержание в обобщенном виде подытожено в обзорном докладе, который недавно издан в России [17].

Используя концепцию Хэ Чуаньци, китайские экономисты обобщили в мировом масштабе все имеющиеся статистические данные по итогам первичной, вторичной и интегрированной модернизации. Для каждой из двух стадий

модернизации ими была создана своя модель количественной оценки, включающая свой набор индикаторов (10 и 12) и их стандартных значений. Результатом оценивания служат итоговые индексы для каждой стадии модернизации. В исследование были включены 131 страна, в которых проживает 97% всего населения нашей планеты. Результаты этого подлинно всемирного исследования свидетельствуют о том, что в 2006 г. 12 стран из 131 ещё не начинали модернизацию, оставаясь на уровне традиционного аграрного общества; 90 стран находились в стадии первичной модернизации; 29 стран уже вступили во вторичную модернизацию. Самый высокий индекс, равный 109, естественно, оказался у США (с. 53), а самый низкий, равный 12, у Центральноафриканской Республики (с. 57). Далее были приняты четыре группы стран по уровню их развития: низкоразвитые страны; предварительно развитые; среднеразвитые и развитые или высокоразвитые. Им соответствовали следующие интервалы индексов: 12–29; 30–51; 52–79; 80–109. В результате оказалось, что в современном мире имеются: 49 низкоразвитых стран (38%), 37 предварительно развитых (28%), 25 среднеразвитых (19%) и 20 высокоразвитых стран (15%). В целом данные результаты представляются достаточно адекватными и убедительными.

Из этих расчетов, например, вытекает, что Китай сегодня находится ещё в числе предварительно развитых стран и имеет следующие индексы и места: по первичной модернизации – 87% и 68-е место; по вторичной – 40% и 70-е место; по интегрированной – 38% и 75-е место в мире. Исходя из этого анализа, китайские ученые рассматривали три варианта стратегии модернизации Китая и охарактеризовали их следующим образом: «Согласно первому нам следует продолжать стремиться к завершению первичной модернизации и затем перейти к вторичной. Второй вариант заключается в одновременной реализации как первичной, так и вторичной модернизации. Согласно третьему можно прямо сейчас перейти непосредственно к вторичной модернизации. Настоящий доклад обосновывает мнение о недостаточной эффективности первого подхода и невозможности осуществления третьего. Следовательно, нам остается только второй вариант» (с. 80). Подобные стратегические выводы имеют огромное значение для любой страны и в том числе для России.

В таблицах Всемирной модернизации приведены следующие обобщенные данные о состоянии модернизации российской экономики (с. 54): индекс первичной модернизации составляет 97% и соответствует 41-му месту в мире; индекс вторичной модернизации равен 66% (31-е место) и индекс интегрированной модернизации – 59% и 37-е место соответственно. Как видим, российская экономика намного более продвинута по степени модернизации, нежели китайская. Поскольку китайские ученые считают, что для Китая более подходит стратегия интегрированной модернизации, то для России сам бог велел использовать прорывной вариант этой стратегии. Тем более, что первичная модернизация в России находится в фазе расцвета и в начале перехода к вторичной модернизации, что также показано в докладе [17]. Что же касается вторичной модернизации, анализ индикаторов фазовых значений говорит о её начальной фазе.

Результаты фундаментальных и прикладных исследований китайских ученых однозначно свидетельствуют о том, что России требуются большие скоординированные усилия, направленные одновременно на скорейшее завершение первичной и развитие вторичной модернизации. Необходимо учитывать, что вторичная модернизация не может успешно развиваться без завершения первичной, т. е. без значительного повышения технологического уровня производства и качества рабочих мест, улучшения благосостояния всего народа. По сути, речь идет об интегрированной модернизации России путем стимулирования и координации двух стадий модернизации. Признаком осуществления интегрированной экономической мо-

дернизации является достижение производительности труда общемирового уровня развития.

Таким образом, обобщая результаты вышеприведенного анализа, мы приходим к выводу, что *России требуется стратегия интегрированной модернизации (по терминологии Хэ Чуаньци) прорывного характера, чтобы воспользоваться «окном возможностей (2012–2025 гг.)» и осуществить инновационно-технологическую модернизацию своей экономики. Стратегия интегрированной модернизации должна включать приемлемые сильные стороны всех имеющихся стратегий и строиться на основе проекта стратегий от Минэкономразвития «Инновационная Россия 2020». Почему? Во-первых, там как раз предлагается смешанная, или интегрированная модернизация, а во-вторых, в последующем МЭР может служить тем координирующим правительственным органом, который будет работать над постоянным совершенствованием стратегии, а самое главное координировать её практическую реализацию. Краеугольными элементами интегрированной стратегии должны стать:*

1. *Стратегия интерактивной модернизации В.М. Полтеровича, базирующаяся на индикативном планировании, заимствовании западных технологий и экономической политике, допускающей режимы переключения на различных стадиях реализации стратегии.*

2. *Стратегия опережающего развития С.Ю. Глазьева в условиях глобального кризиса на основе отечественных научно-технических достижений, относящихся к новому шестому технологическому укладу.*

3. *Стратегия Р.И. Нигматулина сбалансирования экономики и стимулирования внутреннего спроса путем его удовлетворения с ориентацией российского производства на импортозамещение.*

4. *Новая стратегия-2020 от группы В.А. Мау и Я.И. Кузьмина в части формирования новой социальной политики и институциональной модернизации.*

5. *Стратегия инновационно-технологического прорыва, основанная на коренном реформировании и расширении системы НИОКР [8].*

Если такая стратегия будет принята – это будет означать консенсус правительства и всего экспертного сообщества по вопросам экономической модернизации страны. Правительство получит поддержку широкой общественности. В процессе реализации такой стратегии на первом этапе начнется реиндустриализация на основе передовых технологий, интенсификация НИОКР, устойчивый рост производительности труда и национального дохода, заметные изменения в экономическом благосостоянии и равенстве, а также рост статуса страны в рамках международной экономической конкуренции. Постепенно сформируются благоприятные институциональные основы, улучшится деловой климат, повысится инновационная активность бизнеса, которые будут способствовать переходу ко второй стадии – инновационному развитию на основе отечественных технологий. Таким образом, стратегия должна состоять как минимум из двух этапов. Целесообразно, чтобы сроки реализации стратегии были продлены до 2025 г. Тогда первый этап технологической модернизации займет 5 лет (2012–2017 гг.), а второй – 7 лет (2018–2025 гг.), который совпадает с начальной фазой оживления и подъема шестого большого цикла Кондратьева. Японский ученый М. Хироока доказал факт диффузии инноваций в экономику именно в начале подъема большого цикла Кондратьева [18]. Однако кластер инноваций нового технологического уклада к этому времени (2018 г.) должен быть подготовлен к коммерциализации. Именно поэтому необходимо одновременное развитие технологической модернизации всех традиционных отраслей экономики и инновационного обновления приоритетных ключевых направлений.

Принятие стратегии интегрированной модернизации, рассчитанной до 2025 г., когда российская экономика сможет выйти на траекторию устойчивого долгосрочного инновационного развития, нельзя откладывать в долгий ящик. Её

желательно принять сразу после президентских выборов и приступить к энергичной практической реализации. Конечно, такая стратегия развития таит в себе большие риски, но вместе с тем она сулит и большие шансы на успех. Ситуация в мировой экономике быстро меняется, и если Россия не сыграет на опережение, окно возможностей для эффективной реализации стратегии может закрыться.

Далее возникает вопрос: как лучше управлять процессом реализации интегрированной модернизации экономики России? Имеется ли институциональная система для эффективной реализации стратегии экономической модернизации? Какой правительственный орган должен координировать деятельность такой системы? В России за последние годы создана современная система институтов развития в сфере инноваций, включающая: венчурные фонды с государственным участием (через ОАО «Российская венчурная компания»); Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешнеэкономбанк); Государственную корпорацию «Роснано», поддерживающую проекты в сфере нанотехнологий; Агентство стратегических инициатив (АСИ), призванное способствовать активизации и динамичному росту инновационного среднего бизнеса.

Таким образом, важнейшие элементы национальной инновационной системы – специальной институциональной среды для реализации инноваций, уже созданы и функционируют, но разобщенно и бессистемно. А теперь требуется объединить их в единую мощную, но гибкую сетевую структуру. В условиях России именно единая сетевая структура может стать эффективной основой для создания инфраструктуры новой инновационной экономики. Координацию деятельности всей этой сетевой инновационной системы целесообразно поручить Минэкономразвития, возложив на него всю ответственность за реализацию стратегии интегрированной модернизации экономики России.

Список использованной литературы

1. Инновационная Россия – 2020. – М.: Минэкономразвития, 2010. – http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc20101231_016
2. Стратегия-2020: новая модель роста – новая социальная политика – сайт: <http://2020strategy.ru/>
3. Полтерович В.М. Стратегии модернизации, институты и коалиции / В.М. Полтерович // Вопросы экономики. – 2008. – № 4. – С. 4–24.
4. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / С.Ю. Глазьев. – М.: Экономика, 2010.
5. Акаев А.А. Технологическая модернизация промышленности и инновационное развитие – ключ к экономическому возрождению России в XXI веке / А.А. Акаев, И.Е. Ануфриев, Г.Н. Попов // Инновации, СПб. – 2010. – № 11. – С. 15–28.
6. Нигматулин Р.И. Как обустроить экономику и власть России / Р.И. Нигматулин. – М.: Экономика, 2007.
7. Нигматулин Р.И. Кризис и модернизация России – тринадцать теорем / Р.И. Нигматулин, Б.И. Нигматулин. – М.: ОАО «Новости», 2010. – С. 19, 37.
8. Акаев А.А. Современный финансово-экономический кризис в свете теории инновационно-технологического развития экономики и управления инновационным процессом / А.А. Акаев // Системный мониторинг: Глобальное и региональное развитие. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – С. 230–258.
9. Акаев А.А. Анализ динамики отраслевой и технологической структуры экономик стран ОЭСР / А.А. Акаев, А.И. Михайлушкин, А.И. Сарыгулов, В.Н. Соколов // Экономическая политика. – 2009. – № 2. – С. 116–127.

10. Акаев А.А. О стратегии инновационно-модернизационного развития Российской экономики / А.А. Акаев, И.Е. Ануфриев, Д.И. Кузнецов // Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития. – М.: ЛИБРОКОМ, 2011. – С. 178–209;
11. Акаев А.А. Россия на пути к управлению экономическим ростом / А.А. Акаев // Экономическая политика. – 2006. – № 4. – С. 149–165.
12. Стратегия модернизации российской экономики / отв. ред. В.М. Полтерович. – СПб.: Алетейя, 2010.
13. Сенчагов В. Стратегия развития России: ориентиры и ограничения / В. Сенчагов // Вопросы экономики. – 2008. – № 8. – С. 119–130.
14. Ивантер В. Резервы: ресурс или тормоз / В. Ивантер // Эксперт. – 2011. – № 39. – С. 28–30.
15. Журавлев С. Расколдованная казна / С. Журавлев, А. Ивантер // Эксперт. – 2011. – № 13. – С. 46–53.
16. Сиванков А.А. Потенциал России в области создания и развития новых технологий (по оценке западных экспертов) / А.А. Сиванков // Экономические стратегии. – 2010. – № 12. – С. 50–56.
17. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010 гг.) / под ред. Хэ Чуаньци (2011). – М.: Изд-во «Весь Мир», 2011.
18. Hirooka M. Innovation Dynamism and Economic Growth. A Nonlinear Perspective. – Cheltenham, UK. Northampton, MA, USA: Edward Elgar, 2006.

Проаналізовано уже розроблені стратегії розвитку Росії до 2020–2025 рр. Наведено їх порівняльний аналіз. Обґрунтовано необхідність переведення економіки Росії на інноваційний розвиток шляхом реалізації стратегії «інтегрованої модернізації».

Ключові слова: *стратегія, інноваційний розвиток, модернізація, імпортоорієнтована економіка, інституціональне середовище*

Strategies of development of Russia till 2020–2025, developed before, are analyzed. Their comparative analysis is given. Necessity of transition of Russian economy on innovational development is proved by realization of strategy of «the integrated modernization».

Key words: *strategy, innovational development, modernization, import-oriented economy, institutional environment.*

Надійшло до редакції 5.04.2012.